

УДК 355/359
ББК 67.401.212
Б 79

Болтунов М.

Б 79 Стратегическая разведка ГРУ / Михаил Болтунов. — М. : Алгоритм, 2014. — 304 с. — (Тайная война продолжается).

ISBN 978-5-4438-0506-1

Самая малоизученная и особая разведка в империи ГРУ — стратегическая. Она выдвинута далеко впереди пограничных застав и ведется, как правило, на территории противника или его союзников.

В первой части герои очерков — офицеры-фронтовики, которые прошли войну на «передке», некоторые из них — в качестве полковых и дивизионных разведчиков. А после войны их, героев-орденоносцев, направили в академию, а потом вновь на фронт, только теперь «холодной войны». Они были военными атташе, работали «под крышей» в Европе и на Востоке.

Вторая часть повествует о детях войны, о мальчишках, которые мечтали о фронте, но пока обучались в спецшколах, военных училищах, война закончилась. Послужив в войсках, лучшие из них оказались в стратегической разведке. Работали в США, Греции, Швейцарии, на Ближнем Востоке. Леонид Медведко трудился «под крышей» ТАСС в Дамаске, Валерий Калинин под прикрытием торгпредовской должности в Афинах, Василий Ловчиков служил в посольстве в Женеве.

На их счету завербованные ценные агенты, добытые новейшие секретные образцы военной техники и оружия, материалы под грифом «Топ-секрет». Как добывались эти материалы и образцы, какие уникальные спецоперации были проведены нашими стратегическими разведчиками, и повествуется в книге.

УДК 355/359
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-4438-0506-1

© Болтунов М., 2014
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Война ставит человека перед самым страшным выбором: или ты убьешь врага или враг тебя. Но чтобы опередить противника и победить, о нем надо знать многое. Это многое может дать только разведка. Именно поэтому каждый командир от мала до велика ведет разведку. И делает это, как предписывают боевые уставы, *непрерывно, активно, целеустремленно, своевременно, оперативно, скрытно и достоверно.*

Существует много видов разведки. В зависимости от целей, характера решаемых задач и масштабов деятельности, она делится *на тактическую и оперативную.* Тактическая, в свою очередь, *на войсковую, артиллерийскую, радиолокационную, радио- и радиотехническую, инженерную, радиационную, химическую и бактериологическую.*

Но есть особая разведка — *стратегическая.* Ведется она в интересах высших органов государственной власти и военного руководства. Добываемые ею сведения, материалы, документы используются для выработки внешнеполитического курса страны, планирования и осуществления мероприятий по национальной обороне и безопасности.

Стратегическая разведка выдвинута далеко впереди пограничных застав и действует, как правило, на территории противника и его союзников. Впрочем, работа стратегических разведчиков возможна и с нейтральных позиций.

Агенты стратегической разведки стараются проникнуть в самое сердце противника — в высшие государственные органы, в военные штабы, в оборонно-промышленные и научные центры, на базы и арсеналы ядерного оружия. Их задача —

добыть секретную и совершенно секретную информацию. Ибо по ней будет определяться военно-экономическая мощь противника, уровень его научно-технического развития, военный потенциал, транспорт, связь, промышленность, финансы. Словом, спектр задач необычайно широк. И только стратегической разведке под силу решить их.

Именно о них, людях стратегической разведки, которые трудились над решением сложнейших государственных задач и идет речь в этой книге.

Герои повествования — офицеры-фронтовики, которые прошли Великую Отечественную, что называется, «на передке», полковыми и дивизионными разведчиками, противотанкистами, командирами пехотных взводов. После войны их, героев-орденоносцев, направили в академию, а потом вновь на фронт, только теперь уже «холодной войны». Они были военными атташе, работали «под крышей» в Европе и на Востоке.

Вторая часть книги повествует о детях войны, мальчишках, которые мечтали о фронте, но пока обучались в спецшколах, военных училищах, война, к счастью, закончилась. Послужив в войсках, лучшие из них оказались в стратегической разведке. Работали в США, в Швейцарии, в Греции, на Ближнем Востоке.

На их счету — завербованные особо ценные агенты, добытые новейшие образцы оружия и военной техники, материалы под грифом «совершенно секретно». Как трудно и опасно добывались эти образцы, документы и материалы, какие уникальные спецоперации для этого были разработаны и проведены и рассказывается в книге.

«СИМПАТИЧНЫЙ ЖУРНАЛИСТ ИЗ ТАСС»

Так называли Нила Ленского французские газетчики. В 1978 году в Париже состоялся громкий процесс: судили Жоржа Бофиса, героя Сопротивления, офицера Почетного легиона. Он получил восемь лет заключения за шпионаж в пользу Советского Союза. Как утверждалось на суде и в прессе, завербовал Бофиса Нил Ленский, советский военный разведчик, работавший под крышей телеграфного агентства.

В нашей стране в те годы о Ниле Ленском, разумеется, никто не обмолвился ни словом. Открыл его для российского читателя известный французский журналист Тьерри Вольтон, чья книга «КГБ во Франции» была переведена на русский язык и издана в Москве в 2000 году. Он достаточно подробно расписал, сколь значимой фигурой был Жорж Бофис. О том же, кто его завербовал, упомянул лишь несколько раз, да и то весьма скупно.

Хорошо понимаю французского коллегу Вольтона, тут как в старой басне: «видит око, да зуб неймет». Понимаю еще и потому, что все эти годы сам по крупицам собирал сведения о полковнике Ниле Ивановиче Ленском. Не скажу, что полностью удовлетворен результатами своей работы. Многое осталось за семью замками, и, боюсь, к горькому сожалению, так и канет в Лету. С другой стороны, осознаю: Ленский, не цветочки-ягодки разводил, и потому все сказать о его работе невозможно, да и не нужно. А то, что удалось собрать, представляю на суд читателей.

«ПУШКИНСКАЯ» ФАМИЛИЯ

Справедливости ради надо сказать, что о Ниле Ленском я узнал не из книги Вольтона, а несколько раньше. Его имя назвал мне Виктор Любимов, коллега Нила Ивановича, который тоже работал в Париже, потом здесь в Центре, в Москве.

В первый раз услышав это имя и фамилию, подумал, какое странное сочетание — древнее библейское имя и «пушкинская» фамилия. Как они сошлись в одном человеке? Впрочем, в следующую минуту сам улыбнулся над наивностью вопроса. Как, как? Просто папа Ленский назвал своего сына Нилом. Может, он был любителем греческой мифологии или кельтских языков, откуда, по мнению ученых, это оригинальное имя и вошло в наш современный обиход. Допустим, что это так. Но откуда у самого папы фамилия одного из любимых пушкинских героев?

Оказалось, история обретения фамилии весьма интересна и, я бы сказал, поучительна. А началась она с отца Нила — Ивана Андреевича Анисимова. Да, именно так. Ибо от рождения и сам Иван Андреевич носил эту фамилию, и родители его тоже были Анисимовы.

Мальчик Ваня рос в крепкой крестьянской семье, мать его была не только первой красавицей во всей округе — статной, черноволосой, но и весьма начитанной, образованной женщиной. В их семье любили чтение, стихи Тютчева, Фета, Кольцова, Никитина, но особенно боготворили Пушкина. В доме всегда был журнал для домашнего чтения «Нива».

Сызмальства стихи и сказки Пушкина любил и маленький Ваня. Был он сметливым и не по годам серьезным. В церковно-приходской школе по всем предметам успевал на «отлично», и уже в 12 лет его приняли в ученики волостного писаря Молотудского уезда.

Через два года, всего в 14 лет, ему доверили весьма ответственную работу — должность конторщика службы тяги железной дороги в городе Ржеве.

В 17 лет Иван Анисимов ушел в Красную Армию, а уже в 20 лет был комиссован по здоровью.

Женился он в 1923 году, и тогда же сменил фамилию, стал Ленским. Почему это случилось, можно только догадываться, так как тайну сию Иван Андреевич никому не раскрыл до самой смерти.

Его второй сын, Рафаил, оставил небольшие записки о своей семье, в том числе и об отце. Вот как он пытался объяснить перемену фамилии. *«Папа изменил фамилию. Что подвигло его на это? Возможно, неприятие двумя крестьянскими родами их брака с мамой? Мои деды, оба Андреи, были двоюродны-*

ми братьями. Так что, пойдя против моральных устоев крестьянской общины, родители навлекли на себя недовольство. Да и церковь браки троюродных родственников не приветствовала. Во всяком случае, ни мать, ни отец по этому поводу распространяться не любили...

Но тогда почему отец выбрал фамилию Ленский, а не Печорин или Иванов? Скорее всего, сыграл свою решающую роль культ Пушкина в семье моей бабушки Марии».

Что ж, так или иначе, но старший сын, появившийся на свет в 1924 году, и нареченный Нилом, уже получил новую романтическую фамилию — Ленский.

КОМАНДИР РАСЧЕТА «СОРОКОПЯТКИ»

Нилу было всего 17 лет, он окончил школу, и грянула война. Семья тверских крестьян Анисимовых-Ленских заплатила дорогую плату за победу. Ивана Андреевича на фронт не призвали по состоянию здоровья, а вот три его младших брата Анатолий, Владимир и Константин погибли в самом начале войны. Свои головы они сложили, считай, на пороге отчего дома, защищая родной Ржев. В последнем письме сыновья общались матери, что готовы сражаться с врагом, правда, у них нет оружия. Но ничего, успокаивали они самого родного на свете человека, оружие добудут в бою. Для этого готовят крепкие колья. Судя по всему, колья не помогли.

Еще одному брату Василию «повезло»: он прошел всю войну в пехоте, был ранен, стал капитаном и в 1945 году возвратился домой. Воевала также и младшая сестра Ивана Андреевича — Настя.

Что же касается непосредственно семьи Ленских, то первым на фронт ушел Нил. За ним — Рафаил, младшие Альберт и Владимир были слишком малы, чтобы держать оружие. В семейном архиве Нила Ивановича Ленского сохранились обрывочные записи, скорее всего, наброски будущей книги. Говорят, он мечтал ее написать, но не успел. Однако некоторые эпизоды выписаны довольно тщательно. Например, получение повестки из военкомата. И пусть главный герой, от лица которого идет повествование, носит иное, выдуманное имя, нет сомнения: автор записок передает свои чувства и переживания.

«Война подступилась к мальчишкам неожиданно. И невозможно было осознать не только размера накатившей беды, но и ее истинное содержание.

В первый день, после объявления об этом по радио, навязчиво лезли в голову слова из песни: «Если завтра война, будь сегодня к походу готов». Он достал из коробочки хранившиеся там значки БГТО и ПВХО, удостоверения к ним, пересмотрел и опять спрятал.

О дальнейшей учебе нечего было и мечтать. На пятый день войны мотоциклист привез и вручил под расписку повестку из горвоенкомата о призыве. Повестку ждали, но появление ее вызвало удивление: отпечатана она была на пишущей машинке, на тонкой папирсной бумаге, чересчур скромным текстом.

Он ждал чего-то большего, торжественно-значимого, слов о войне, ссылок на закон. Листок же просто оповещал, что в связи с призывом на действительную военную службу в Красную Армию ему надо прибыть туда-то. Но в то же время сугубо деловая простота изложения сразу же настраивала на серьезность ситуации, на отсутствие времени для долгих размышлений, на желание как можно быстрее занять место, отведенное тебе в создавшейся обстановке.

После отца повестка прошла через всех домочадцев, в том числе и младших братьев, которые не нашли в ней ничего интересного.

Увидев осунувшиеся лица родителей, растерянность старшего брата, они уцепились с обеих сторон за мать. Та обняла их, как бы защищая от беды, крепко прижала к себе и тихо заплакала. Не понимая состояния матери и готовые разреветься, ребята с испугом глядели то на нее, то на отца. К горлу подкатил горький комок...»

Так Нил ушел на фронт. Определили его в школу младших командиров-противотанкистов. Школа располагалась в Песочных лагерях, что в 30 километрах от Костромы.

Воспоминаний Ленского об этом периоде его жизни не сохранилось, но удалось найти другие свидетельства, что из себя в ту пору представляли Песочные лагеря.

«На фронте оказался не сразу,— вспоминал ветеран войны Н. Панков, — сначала попал в учебку, где готовили млад-

ших командиров. Она находилась под Костромой, в Песочных лагерях. Когда мы прибыли туда, увидели вокруг только лес. Нас встречал офицер, который сказал: «Весной птички прилетают вить себе гнездо, так и мы будем строить себе жилье».

Начались наши строительные будни. Нужно было построить землянки на 200 человек — целую роту. Одно бревно несли на себе 15 человек — так мы все были обессилены. Кормили плохо, два раза в день. Утром — вобла сушеная, два сухаря. Обед — тоже самое. Пили привозную воду из реки.

Освещения, отопления не было. Из травы и камыша сделали постели. Форму не выдали, ходили в гражданке. Правда, через три месяца стали получать усиленный паек, по 200 граммов белого хлеба, варили каши, супы. Привезли гимнастерки, шинели».

Нет сомнения, через все это прошел и Нил Ленский.

Летом 1943 года он оказался в действующей армии, в 53-й мотострелковой бригаде 29-го танкового корпуса. Под свое начало старший сержант Ленский получил оружейный расчет истребительно-противотанковой батареи.

Противотанкисты тогда имели особый статус. В связи с массовым применением фашистами танковых войск, советское командование уделяло большое внимание укреплению противотанковых частей. Младшие командиры и рядовые получали двойной оклад денежного содержания, весь начальствующий состав до командира дивизиона был взят на особый учет и использовался только в соответствующих частях. Сержанты и бойцы-противотанкисты после излечения в госпитале направлялись строго в истребительно-противотанковые подразделения.

Даже формой они отличались от других: имели специальный нарукавный знак — черный ромб с красной окантовкой со скрещенными оружейными стволами.

За каждый подбитый танк командиру орудия и наводчику выдавалась премия в 500 рублей, остальному оружейному расчету — по 200 рублей.

Все эти поощрения были назначены не зря. Противотанкисты всегда на переднем крае и деться им оттуда некуда. Более того, они — последняя надежда командования: кроме них немецкие танки остановить некому. Как правило, они вое-

вали при численном превосходстве врага. Противотанковые пушки, те же знаменитые «сорокопятки», были эффективны только на весьма малой дальности, всего в несколько сотен метров. И тут уж, как говорят в народе, «либо грудь в крестах, либо голова в кустах». Третьего не дано. В кино и то страшно смотреть на эту крохотную пушчонку, вступающую в дуэль с бронированным монстром. А что уж в жизни. Да и немецкие танкисты уделяли им самое пристальное внимание.

Нил Иванович оставил запись в несколько абзацев о своей встрече с пушкой-«сорокопяткой». Он рассказывает о ней, словно о живом человеке, боевом друге.

«Добравшись до пушки, наскоро оглядел свое новое хозяйство. «Сорокопятка» стояла в тени невысокого клена. Первым делом, опустив карабин на землю, взялся за рукоятки маленьких зеленых дисков и уверенными движениями проверил их. Подъемно-поворотный механизм орудия действовал плавно, безотказно.

Старенький прицел был укреплен на нужном месте, снятый с него брезентовый чехол, пробитый в нескольких местах осколками, висел тут же на шнурке. Он опустился на колено и заглянул в окуляр прицела. Участок дороги вдруг приблизился к нему с такой четкостью, что ясно стало видно танковую колею и валявшийся на обочине телеграфный столб. Над землей тонкими струйками поднималось неровное марево горячего воздуха.

Оторвавшись от прицела, он посмотрел вверх, отметил про себя: крона дерева защищает от горячего полуденного солнца и, судя повсему, хорошо маскирует орудие. Вновь опустился к прицелу и еще раз внимательно оглядел участок опасной дороги. Открытый ящик со снарядами был рядом, под рукой. Бронебойные головки тускло светились матовым отливом. Он готов был встречать врага».

Хорошо выписано, ничего не скажешь. Чувствуется, Нил Иванович знал свою боевую работу тонко и досконально. Да и как иначе? Почти полтора года не вылезал с переднего края старший сержант Ленский. Что поразительно, за эти полтора года жестоких боев не был ранен, даже царапины не получил, словно заговоренный.

В июле 1944 года наградили его первым боевым орденом. Командир моторизованного батальона автоматчиков гвардии капитан Соколов, в состав которого входила батарея, так писал о подвиге Нила Ивановича: *«Товарищ Ленский за период боевых действий на Кировоградском направлении в районах Корсунь — Шевченково и Писаревка, а также в последующих боях показал свою умелость командовать орудийным расчетом.*

Проявил смелость и решительность в боях за ст. Заславль (03.07.1944 г.) своими выстрелами из орудия остановил поезд противника, пытавшегося удрать в тыл. Своевременно выкатил орудие на выгодный рубеж и первым же снарядом попал в паровоз. В этом же бою тов. Ленский взял в плен пятерых немцев из разбитого эшелона.

При отражении контратаки в районе м. Ракув первым открыл из орудия огонь, и контратака немцев была сорвана. Его расчетом за период боев с 24.06.1944 г. по 05.07.1944 г. уничтожено 12 автомашин и 32 немца».

Командир 31-й танковой бригады 3-го Белорусского фронта подполковник Молчанов утвердил представление, и Нил Ленский получил орден Красной Звезды.

Командир батареи лейтенант Расщепов и взводный младший лейтенант Шляхов в свою очередь направили родителям Нила Ивановича письмо: *«Уважаемые Иван Андреевич и Степанида Андреевна, мы, бойцы и командиры части, в которой служит ваш сын, шлем вам искренний фронтовой привет.*

Решили сообщить и одновременно поблагодарить вас за воспитание сына Нила. Ваш сын и наш боевой товарищ сражается вместе с нами. Он прошел суровый боевой путь через Украину, Бессарабию, Белоруссию и Литву. В боях с немецко-фашистскими захватчиками Нил показал чудеса бесстрашия. Награжден орденом Красной Звезды».

В это же время ему было присвоено воинское звание старшины.

Командир орудия Нил Ленский был известен в батальоне не только смелостью и умением управлять расчетом «сорокопятки» в бою, но и веселым, шутливым характером, добрым нравом, умением ладить с людьми. Когда в батальоне освободилась должность комсорга, комбат предложил кандидатуру старшины Ленского.

Начальник политотдела бригады охотно согласился. Он и сам давно присматривался к этому веселому, не унывающему старшине. Так, осенью 1944 года противотанкист, командир расчета Ленский стал комсоргом родного батальона автоматчиков.

Воинскую профессию Нил Ленский сменил, а вот характер у старшины остался тот же — боевой, бесстрашный, порывистый. В тылу, в период подготовки к наступлению, комсорг всегда с людьми. Как напишет позже в наградном листе комбат капитан Быков, «проводил большую работу среди комсомольцев и с личным составом, разъясняя предстоящие задачи батальона в наступлении».

В бою комсорг был впереди. *«В боях за станцию Понки, показывая образцы мужества и отваги, — сказано в представлении на орден, — в числе первых в составе десанта ворвался на танках в расположение противника и огнем из автомата беспощадно уничтожал немцев. Только в этом бою он лично уничтожил семерыхфашистов.*

В боях за населенный пункт Косины — Коньични лично уничтожил 12 немцев и был ранен, однако с боевого поста не ушел до тех пор, пока не была выполнена задача батальона. Своим бесстрашным примером и храбростью воодушевлял весь личный состав.

Достоин награды ордена “Отечественной войны” II степени».

В январе 1945 года удача изменила бесстрашному комсоргу. Был тяжело ранен, попал в госпиталь. Здесь его и дождала радостная весть: он стал офицером, младшим лейтенантом. А вскоре, через несколько месяцев, и войне пришел конец. Нил вернулся домой.

«Весенним поздним вечером раздался звонок, — вспоминал Альберт Ленский. — Наш Рекс, огромная овчарка, начала вдруг скулить. Мы кинулись к дверям. На пороге стоял незнакомый офицер. Я не признал старшего брата, а Рекс неожиданно бросился его лизать, хотя прежде никогда его не видел, ведь папа взял щенка, когда Нил воевал на фронте.

Этот эпизод мне врезался в память потому, что Рекс был очень свирепым псом, никого из чужих к себе не подпускал, а Нила, подиж ты, учуял, признал».

СБОРЫ БЫЛИ НЕ ДОЛГИ...

После победы младшего лейтенанта Ленского оставили в армии, направили учиться в Военный институт иностранных языков. Здесь он не только получил отменное образование, освоил французский язык, но и обзавелся семьей — женился, а в 1948 году у него появился сын Евгений.

Вот как о тех годах вспоминает жена Нила Ленского, Маргарита Владимировна: *«Нина (сестра Маргариты) решила устроить меня в столовую официанткой (речь идет о столовой Военного института иностранных языков). Возражать было бесполезно, я согласилась.*

Когда в первый раз с двумя огромными чайниками вошла в зал, у меня подкосились ноги, закружилась голова. За столами сидели молодые офицеры, их было так много.

Как я познакомилась с Нилом? Они с Лешей Болховским искали жилье, забрели к нам. Мы их угостили чаем, свою проблему они потом решили, но к нам продолжали приходить на чай.

Втроем ходили в библиотеку, в кино, в клуб «Серп и молот», когда там выступал Эдди Рознер. Алексей и Нил не могли понять, кому я отдаю предпочтение. Но однажды на концерт я пошла с Нилом. Своего туалета у меня не было, одевал весь этаж. Алексей все понял и больше не приходил.

Мне нравился заразительный смех Нила, немного смущал его рост. На его фоне я выглядела маленькой «золушкой».

С Нилом встречались, дружили, он за мной ухаживал. Строили планы на будущее, решили пожениться, как только он закончит институт».

Так, собственно, и случилось. После окончания института Ленского направляют служить по специальности — инструктором по работе среди войск и населения противника в Северную группу войск.

Прослужил на этой должности инструктор Ленский два года. Судя по всему, соседи из Разведуправления внимательно присмотрелись к молодому офицеру. Завидная кандидатура — фронтовик, орденосец, прекрасно владеет французским языком. И ему предложили поступить в Военно-дипломатическую академию. Ленский успешно сдал экзамены и в 1952 году стал слушателем.

В 1956 году — выпуск и первая командировка во Францию. Официально Нил Ленский — корреспондент ТАСС в Париже.

«Нил закончил академию, — вспоминает Маргарита Владимировна Ленская, — его направили в Париж. Была готова виза, назначен день отъезда. Женя учился в третьем классе. Быстро собрались, сели в самолет, он взлетел, и мы сверху наблюдали, как исчезает Москва.

Прилетели в Париж. Нас встретили, поместили в какую-то гостиницу под названием «Монтевидео».

Вскоре предложили перебраться, но не в торгпредовский дом, а всего лишь в пристройку. В ней когда-то посольский врач принимал пациентов. Что поделаешь, тогда в посольстве с квартирами была напряженка.

В этой клетушке, совсем не приспособленной к жилью, было неудобно, но мы вполне довольствовались и этим. Я с Женей спала на матрасе, Нил — на раскладушке. Чтобы протянуть ноги он открывал дверь в коридорчик. Обед готовили на общей кухне.

Когда уезжали из Советского Союза, нас предупредили: с собой ничего не брать. Так и поступили. Однако скоро об этом пожалели. В магазинах все дорого, цены запредельные. Нилу к празднику понадобился смокинг, а с его габаритами он стоит вдвое дороже. Ничего, как-то выкручивались».

Нил Иванович спокойно относился к бытовым трудностям. В конце концов, со временем все уладилось, утряслось. Волновало, главное — работа.

Жорж Бофис был человеком во Франции весьма уважаемым и заслуженным. Под псевдонимами полковник Дрюмон, Жозеф Марсо во время войны, постоянно рискуя жизнью, он обеспечивал связь между штабом Сопrotивления и Великобританией.

В начале войны, будучи активистом компартии, он попал в плен к фашистам, бежал из застенков, возвратился в столицу. Вместе с Артуром Далиде создал «Специальную организацию», которая защищала партию и ее активистов.

После нападения фашистов на Советский Союз эта организация приняла участие в движении Сопrotивления. В 1942 году она уступила место ставшей впоследствии крупнейшей военной организацией французского Сопrotивления

«Франтиреры и партизаны» (ФТП). Бофис вошел в руководство ФТП и занялся созданием радиосети для связи Сопrotивления с Советским Союзом.

В 1942 году Жорж Бофис налаживал и обеспечивал связь с голлистскими секретными службами в Лондоне. После войны он продолжал службу во французской армии в штабе Первого военного округа.

«Бофис утверждал, — пишет Тьерри Вольтон в уже названной книге «КГБ во Франции», — что советские представители установили с ним контакт в 1963 году, когда он уже демобилизовался из армии. Его пригласили в посольство СССР на прием по случаю годовщины Октябрьской революции и там с ним познакомился симпатичный журналист из ТАСС Нил Ленский. Они стали встречаться: журналист задавал ему вопросы о политической жизни Франции, просил безобидную информацию об армии.

«Мы встречались в «Кафе дю коммерс», беседовали об американском империализме и немецких реваншистах», — оправдывался он на суде. — Советский журналист просил все больше и больше информации. Бофиса это не насторожило.

Французская контрразведка в ходе допросов добилась от Бофиса признания, что он передал советскому офицеру план обороны Западного округа. Это был весьма болезненный удар, ведь на территории округа расположены крупнейшие арсеналы Шербурга и Бреста, порт Сен-Назера, на острове Лонг — база атомных подводных лодок. Стало также известно, что Жорж Бофис познакомил своих кураторов из ГРУ с биографиями старших армейских офицеров и политических деятелей страны.

Он так же сообщил, что тайно посещал Советский Союз, где получал соответствующие инструкции. Организовывал эту поездку Нил Ленский.

«Мы с женой поехали в отпуск в Чехословакию, — передает рассказ Бофиса на суде Тьерри Вольтон. — В пражском аэропорту случайно встретили Нила Ленского. «Приглашаю вас на несколько дней к себе на дачу, — сказал он. На следующий день он передал нам документы».

«Любопытное совпадение», — иронизирует журналист. Действительно любопытное, тем более что в то время у Ленского не только дачи, но и квартиры-то своей в Москве

не было. Правда, в ГРУ на этот случай имелись свои «дачи». Именно на такую «дачу» и пригласили Жоржа Бофиса.

«На то, что это не было простым времяпрепровождением, — считает Вольтон, — указывают две детали. Прежде всего, Бофис тщательно скрыл свой «отпуск» в СССР от близких, в том числе и от детей. Более того, виза на поездку в Москву, переданная ему Ленским в Праге была оформлена на отдельном листе, чтобы в паспорте не осталось никаких следов. Когда советские разведслужбы переправляют своих агентов на тайную стажировку, они всегда поступают именно так. Кроме того, обычно поездки осуществляются не напрямую, а через столицу какой-нибудь дружественной социалистической страны, в данном случае через Прагу.

Признания, а также аппаратура, найденная дома, убедили УОТ (французская контрразведка): Бофис — важный агент ГРУ. «Тем не менее, как признал комиссар Нар в суде, «в данном деле к правде мы только приблизились. Она нам известна лишь на 25 процентов. Это не безответственная фраза».

Что тут скажешь? Сдается, что комиссар Нар знал, о чем говорил. В сущности, это и есть истинная оценка деятельности военного разведчика Нила Ленского и его ценного агента Жоржа Бофиса.

Но это, как говорят, взгляд с той стороны. А с нашей? Генерал-лейтенант Юрий Бабаянц, президент Союза ветеранов военной разведки хорошо знал Ленского, работал вместе с ним в Париже. Вот что он сказал по этому поводу:

«Нил Иванович — обаятельный человек, манера общения притягательная. За долгий срок службы в разведке я знал только двух таких людей. Один из них — Ленский.

Блестящий аналитик, хорошо писал. После отъезда Нила одного из его агентов передали на связь мне. Так вот, считалось, что этот агент работает на идейной основе. Но вся его идейная основа базировалась на огромной симпатии к Нилу.

Заслуга Ленского не только в том, что он завербовал Бофиса, и даже не в том, что Жорж передавал нам ценные материалы. Самое важное было другое — Нил сумел донести до Бофиса, насколько важно иметь агентурную сеть на случай войны, боевых действий и в военное время обеспечить ее жизнедеятельность. И это было сделано.